

Р. Ш. ГАНЕЛИН

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАННИХ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ И СОВРЕМЕННАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Антисоветская империалистическая пропаганда и действующая вкуне с ней реакционная историография ставят в качестве одной из важнейших своих задач борьбу против ленинского принципа мирного сосуществования двух систем.

Приемы и методы этой борьбы многочисленны и разнообразны. Одним из них является настойчиво практикуемое извращение взглядов и действий В. И. Ленина в области внешней политики с тем, чтобы представить противником теории сосуществования великого вождя советского народа, который эту теорию выдвинул.

Как известно, В. И. Ленин сразу после Октябрьской революции, как и в последующие годы, придавал большое значение установлению нормальных советско-американских отношений. В этой связи не случайно, что излюбленным объектом усиленной фальсификации в американской историографии является вопрос о ранних советско-американских отношениях и антисоветской военной интервенции США. Ведь именно история советско-американских отношений с самого их начала дает немало примеров мирной инициативы Советского правительства, направленной к реализации ленинского принципа мирного сосуществования, и противодействия этому со стороны правящих кругов Соединенных Штатов.

Американская военная интервенция против Советской России и ее предыстория представляют собой одну из самых неприглядных страниц в летописи внешней политики США даже с точки зрения многих американских буржуазных историков. «В 1918 г. правительство Соединенных Штатов решило

ввязаться в русскую революцию посылкой войск в Сибирь. Эту, к несчастью, незабываемую историю воссоздает эта книга. . .», — так с оттенком грусти рекламируется произведение, о котором пойдет речь ниже. Поскольку добиться полного забвения столь значительного исторического факта, конечно, невозможно, он подвергается в американской историографии самым превратным, почти невероятным толкованиям.

И профессиональные буржуазные историки, и политические деятели, выступающие на литературно-историческом поприще (такие, например, как бывший посол в Москве Дж. Кеннан), все чаще обращаются к этой теме. Их позиции в «русском вопросе» не всегда и не во всем совпадают, зато они единодушны в одном: ввиду полной бессмысленности и невозможности замалчивать или отрицать ленинскую программу советско-американского сотрудничества, все они пытаются лишить ее всякого значения и опорочить, представив как тактический прием советской дипломатии. Враждебные делу мира политические силы считают для себя полезным утверждать, что Советское государство с самого начала своего существования и его основатель В. И. Ленин питали непримиримую враждебность к Соединенным Штатам и что отсутствие в течение длительного времени нормальных советско-американских отношений обуславливалась якобы именно этой враждебностью. «Этот том, — читаем мы на суперобложке английского издания второй книги выпускаемого Кеннаном многотомника о советско-американских отношениях, — содержит авторитетный комментарий к советским обвинениям по поводу того, что Соединенные Штаты интервенировали с целью ниспровержения Советского правительства, а также к тому давно распространенному в либеральных кругах США взгляду, согласно которому правительство Соединенных Штатов в эти первые месяцы существования советской власти пренебрегло важными возможностями установления конструктивных и плодотворных отношений с советским режимом и упустило эти возможности».¹

Что же представляет собой «авторитетный комментарий» Кеннана? Этот вопрос имеет для нас тем больший интерес, что вышедшие два тома усиленно рекламируются на Западе как «последнее слово науки» и оттеснили на задний план немалочисленную предшествовавшую литературу. Первый том сочинения Кеннана отмечен в США четырьмя премиями — Пулитцеровской премией в области истории, Национальной книжной премией за литературу небеллетрического характера, а также премиями Джорджа Бэнкрофта и Фрэнсиса Паркмена. Не

¹ G. F. Kennan. The Decision to Intervene. London, 1958.

только в США, но и в Англии работа Кеннана рассматривается как «серьезнейшее достижение» современной англо-американской историографии. «Times Literary Supplement», обычно задающее на Западе тон в оценке книжной продукции, расценило работу Кеннана как «одно из тех глубоких и в высшей степени специальных оригинальных исторических исследований, которые становятся все более редкими в наше время и потому должны особенно приветствоваться».

Мы находим в работе Кеннана отнюдь не грубую и прямую, а утонченную и хитроумную апологию интервенции. Кеннан импонирует западному читателю показной объективностью и якобы независимым, даже критическим подходом к оценке политики правительства США, которую он действительно критикует, но вовсе не за ее империалистический характер, а как невыгодную именно с империалистической точки зрения. «Никогда, конечно, в истории американской дипломатии не было так много уплачено за столь небольшое» — пишет он.²

Кеннан становится в позицию человека, который хотя сам и не оправдывает интервенции, но в то же время дает понять, что возможность такого оправдания существует, так как Советское правительство было якобы непримиримо враждебно к союзникам вообще и к США в частности.

Не ставя себе целью дать общую оценку двух книг Кеннана,³ мы хотим в последующем изложении коснуться лишь освещения им позиции Советского правительства в вопросе о советско-американских отношениях весной 1918 г., и то лишь постольку, поскольку при этом игнорируются факты, анализ которых, с нашей точки зрения, обязателен. Как известно, Кеннан занял относительно реалистическую позицию по вопросу о современных советско-американских отношениях. Это обстоятельство не освобождает нас, однако, от необходимости критически оценить его взгляды на прошлое этих отношений. Репутация сторонника нормализации советско-американских отношений на современном этапе придает его историческим сочинениям особенное значение в глазах американских читателей. Именно поэтому многое в этих сочинениях, когда их автор уклоняется от исторической истины, может повредить в Америке делу нормализации советско-американских отношений, которое, судя по заявлениям Кеннана, близко и ему самому.

Разумеется, откровенные апологеты интервенции с еще большей настойчивостью и бесстыдством стараются очернить внешнюю политику Советского государства, приписывая ему

² Там же, стр. 471.

³ Они уже рецензировались советскими историками.

чуть ли не исконную враждебность к США и странам Антанты.⁴

Совершенно неприкрыто, без каких бы то ни было оговорок изложена эта клеветническая концепция в двух статьях Дж. М. Томпсона.⁵ Томпсон принадлежит к числу тех апологетов антисоветской интервенции, которые с гордостью восхваляют ее, а не просто оправдывают. В отличие от большинства буржуазных историков Томпсон отнюдь не пытается сузить масштабы интервенции, снизить ее значение и замаскировать ее антисоветскую направленность. Под влиянием классовой ненависти, совершенно теряя чувство историзма, он даже готов утверждать, что интервенция была успешной, поскольку она де предотвратила распространение революции на Восточную Европу, — тезис, который ввиду его полной бессмысленности не пользуется кредитом даже среди буржуазных западных историков. Статьи эти написаны на основе превратного и тенденциозного толкования высказываний Ленина, подобранных и вводимых вопреки элементарным требованиям научной объективности, с декларативными обвинениями в адрес советских историков, безо всяких попыток серьезного обращения к первоисточникам. В этом-то все и дело: «теория», не выдерживающая соприкосновения с историческими источниками, только таким образом и может быть изложена, потому что объективный анализ как печатных материалов, так и вводимых в научный оборот архивных документов всякий раз подтверждает, что Советское правительство последовательно и неуклонно проводило в советско-американских отношениях ленинский принцип сосуществования, встречая упорное сопротивление правящих кругов США.

Весьма характерна в этом смысле судьба советского плана установления экономических отношений с Соединенными Штата-

⁴ Одним из характерных приемов откровенной апологии интервенции является затасканная клевета на тему о германском влиянии в Советской России. Любопытно, что получившая дружное одобрение на Западе книга Кеннана именно с этой стороны вызвала там критические замечания. Дело в том, что под влиянием изученного им исторического материала Кеннан не решается ныне со всей силой поддерживать клеветнические теории западной пропаганды 1917—1918 гг. о большевиках как агентах германского генштаба (хороший пример того, как власть материала над исследователем может иметь положительное значение!). И хотя кое-где Кеннан и отдает этому тезису свою дань, его рецензент Б. Элкин причисляет недооценку (1) Кеннаном германского влияния к недостаткам его книги («The Slavonic and East European Review», 1959, June, v. XXXVII, № 89, p. 549—552).

⁵ J. M. Thompson. 1) Allied and American Intervention in Russia, 1918—1921. С. E. Black (ed.) «Rewriting Russian History». N. Y., 1956 (сборник весьма далеких от науки статей о советской историографии); 2) Lenin's Analysis of Intervention. «The American Slavic and East European Review», 1958, Apr., v. XVII, № 2.

тами, выдвинутого в период Брестского мира, и связанного с этим планом проекта посылки первой советской миссии в США.

В работах американских авторов этот вопрос излагается обычно не только тенденциозно, но и крайне поверхностно, причем тенденциозна и сама эта поверхностность.

Документы, не совместимые с намеченной заранее концепцией, как бы случайно оказываются вне поля зрения исследователей, в том числе даже и документы, вошедшие в официальную публикацию госдепартамента.

Будучи вынуждены писать о предложенном Советским правительством плане экономических отношений, поскольку он давно известен в Америке, американские буржуазные историки пытаются его исказить и дискредитировать, а намерение Советского правительства немедленно отправить в США экономическую миссию и начать осуществление этого плана попросту игнорируют. Делается это, как ниже будет показано, неспроста.

* * *

Начатые В. И. Лениным вскоре после Октябрьской революции переговоры с представителями Антанты и США о военной и технической помощи с их стороны для сопротивления германскому наступлению достигли к концу февраля 1918 г. решающей стадии. В ходе переговоров явственно обозначилось, что союзники, пользуясь неимоверно трудным положением Советской России, расточают ей самые щедрые обещания с целью толкнуть ее на продолжение войны с Германией. Что же касается выполнения этих обещаний, то дававшие их об этом помышляли меньше всего. Как признают в своих мемуарах тогдашние английский и американский представители в России Локкарт и Робинс, В. И. Ленин без труда разгадал эту тактику. Но советская сторона продолжала переговоры, тем более, что немцы и после согласия Советского правительства подписать мир не прекратили наступления. С другой стороны, империалистическая пропаганда союзных правительств пичкала народы своих стран клеветой о сговоре большевиков с немцами, самым достойным и правильным ответом на которую как раз и было терпеливое и последовательное ведение советской стороной переговоров с союзниками, как бы ни были малы надежды на успешное их завершение.

Тяжелое положение Советской России усугублялось внутренними трудностями, напряженной политической борьбой, которую вели левые эсеры в Совнарком и так называемые левые

коммунисты в ЦК партии по вопросу о мире с Германией и вообще вокруг принципов внешней политики молодого Советского государства. Толкая советский народ и партию на гибельный путь продолжения войны с Германией, «левые» демагоги делали эту войну еще более бесперспективной, так как они при этом резко выступали против приобретения оружия у союзников. С точки зрения «левых», любые контакты с буржуазными правительствами не только на политической, но и на коммерчески-деловой основе являлись недопустимыми.

Спасая дело революции и ее завоевания, Ленин указывал, что лишь использование противоречий между различными группами империалистов, предусматривающее деловые контакты с буржуазными правительствами, может помочь Советской России. Революционная и государственная мудрость В. И. Ленина одержала верх. 22 февраля, в тот самый день, когда Ленин написал свою известную статью «О чесотке», в которой блестяще отстоял необходимость и допустимость переговоров с союзниками, ЦК и Совнарком приняли отстаивавшееся Лениным решение, которое предусматривало принципиальную возможность установления деловых отношений с империалистическими державами.

В соответствии с этим, уже после подписания Брестского мира, В. И. Ленин запросил правительство США, какую помощь Советской России могли бы оказать союзники в случае срыва Брестского мира, в частности, что могли бы сделать США для предотвращения японской интервенции в Сибири.⁶

Инициатором (и весьма настойчивым) этого запроса был подполковник Рэймонд Робинс, глава миссии Американского Красного Креста в России. В первые месяцы после Октябрьской революции Робинс поддерживал полуофициальные связи с Советским правительством по поручению американского посла Фрэнсиса, который, следуя инструкции госдепартамента, боялся «осчастливить» Советское правительство личным с ним контактом, но, с другой стороны, все время пытался воздействовать на него с целью срыва Брестского мира. Робинс, который сначала преследовал лишь ту же самую цель, вскоре одним из первых среди буржуазных политиков понял историческое значение Октябрьской революции, несокрушимость диктатуры пролетариата, и стал горячим поборником советско-американской дружбы.

В своих беседах с Робинсом В. И. Ленин наметил в основных чертах программу экономических отношений между США и

⁶ Нота Советского правительства правительству США, 5 марта 1918 г. «Документы внешней политики СССР», т. I, М., 1957, стр. 208—209.

Советской Россией, которую Робинс неоднократно, но всегда тщетно предлагал госдепартаменту и президенту.

Если нота 5 марта содержала лишь запрос о позиции США на случай срыва Брестского мира, то «проект В. И. Ленина в марте 1918 г.» представлял собой, как он позже определялся в подготовительных материалах советской стороны к Гаагской конференции, «всесторонний план развития экономических сношений с Соединенными Штатами».⁷ План этот был рассчитан на длительный период мирного развития Советской России и предусматривал установление взаимовыгодных экономических отношений на коммерчески-деловых началах.

Современные американские историки ранних советско-американских отношений и даже те из них, которые, как например Дж. Кеннан, позволяют себе критические замечания по поводу позиции США в «русском вопросе», стремятся представить программу советско-американского сотрудничества лишь как тактический прием советской дипломатии. Кеннан неоднократно возвращается к этой мысли в обоих томах своего сочинения. Во втором томе он посвящает ее обоснованию специальную главу, названную им «Призрак сотрудничества между союзниками и Советами», — название, рассчитанное на то, чтобы убить в зародыше самую мысль о нежелании правительства США реализовать возможности мирного сотрудничества с Советской Россией.⁸ Жонглируя выхваченными у Ленина несколькими словами о необходимости для Советского государства использовать тактику маневрирования между борющимися друг с другом империалистическими державами, Кеннан пытается утверждать, что эта тактика исключала возможность какого-либо сотрудничества или сосуществования между Советской Россией и Соединенными Штатами,⁹ хотя совершенно очевидно, что в тогдашних исторических условиях только такое маневрирование и могло дать Советскому государству возможность мирного сосуществования с капиталистическими странами, которое иначе было совершенно немислимо.

Соответственно всему этому Робинс, поверивший в советские предложения, изображается наивным человеком, обманутым коварными большевиками. Приписывая Робинсу некую особенную «доверчивость», Кеннан снисходительно замечает, что она может быть объяснена «лишь всеобщим экстремизмом военного времени».¹⁰

⁷ «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 717.

⁸ G. F. Kennan. The Decision to Intervene, p. 107.

⁹ Там же, стр. 132.

¹⁰ G. F. Kennan. Russia Leaves the War. Princeton, 1956, p. 498.

Подобной иронической снисходительностью сопровождается почти каждое упоминание о Робинсе.

Среди личных недостатков Робинса, видного американского профессионального политика, вдруг оказываются «негосударственный склад ума (ungovernmentalness)», отсутствие дипломатического образования, склонность к преувеличению собственной роли.¹¹ Как справедливо отмечает американский прогрессивный публицист С. Белфердж, «Кеннан сознательно дает не портрет Робинса, а карикатуру на него».¹² Делается все это для того, чтобы и с этой стороны поставить под вопрос внешнеполитическую акцию Советского правительства: дескать, только такой легковерный человек, как Робинс, мог поверить в советские предложения.¹³

Как же дело обстояло в действительности?

Возможность установления советско-американского сотрудничества в экономической области рассматривалась правительственными органами Советского государства как совершенно реальный вопрос практического значения.

Американская дипломатия, наоборот, вела вокруг этого вопроса игру отнюдь не чистого свойства.

Не позже, чем 7 марта, т. е. через два дня после вручения советской ноты от 5 марта, в Петрограде при Главном управлении заграничного снабжения (Главзагран) состоялось первое совещание представителей различных ведомств, посвященное посылке в США советской миссии с целью ликвидации военных заказов царского и Временного правительств и развития экономических отношений с Соединенными Штатами. В заседании участвовала группа советских работников, пришедших в Главзагран во главе с его комиссаром С. М. Семковым, большевиком-подпольщиком, учившимся в ленинской школе в Лонжюмо, и старых специалистов, сотрудничавших с Советской властью. Во главе комиссии предполагалось поставить президиум в составе С. М. Семкова, бывшего генерала А. В. Шварца и бывшего адмирала М. В. Иванова. В состав миссии были также включены представители ВСНХ, Комиссариата по иностранным делам и других ведомств. Для удобства подготовительной работы решено было, в связи с эвакуацией правительства в Москву,

¹¹ G. F. Kennan. The Decision to Intervene, p. 234, 175.

¹² С. Белфердж. Американец в Советской России. «Иностранная литература», 1958, № 4, стр. 225.

¹³ Характерно, что Кеннан, вместо того чтобы просто написать: «советское предложение», пишет: «то, что он (Робинс, — Р. Г.) принимал за искреннее советское предложение» (G. F. Kennan. Decision to Intervene, p. 167).

а дипломатического корпуса — в Вологду, до отъезда комиссии разбить ее на три группы — вологодскую (Вологда должна была являться сборным пунктом всей комиссии), московскую и петроградскую.¹⁴ На последующих межведомственных совещаниях 8 и 10 марта уточнялись задачи комиссии, принципы ее организации и методы работы в Америке.

Задача ликвидации русских заказов в Америке и урегулирования расчетов по ним справедливо представлялась весьма важной как в политическом, так и экономическом отношении. В американских портах было сосредоточено значительное количество русского военного имущества. Наряду с американскими военными властями судьбу этих военных материалов и американских правительственных кредитов Временному правительству определяли такие люто враждебные Советской России люди, как Б. Бахметьев, бывший посол Временного правительства в Вашингтоне, и С. Угет, бывший финансовый атташе. «Всеи нашей экономической политикой в Соединенных Штатах ведает так называемая заготовительная комиссия и агенты министерства финансов — ставленники старого царского режима. Настоящее посольство в лице господина Бахметьева — ставленника господина Керенского, ведет до сих пор антисоветскую политику», — сообщал С. М. Семков Совнаркому.¹⁵ Назревала опасность снабжения из США белогвардейских сил.¹⁶ Подобное положение существовало и в других странах Антанты, хотя размеры запасов были там менее значительны. Поэтому предполагалась посылка аналогичных комиссий и в Англию, и во Францию (деятельность комиссии, отправляемой во Францию, должна была распространяться и на Италию).¹⁷

Но перед комиссией, отправляемой в США, ставилась и другая цель — организация долговременного советско-американского экономического сотрудничества. В специальной докладной записке Совету Народных Комиссаров от 18 марта С. М. Сем-

¹⁴ ЦГИАЛ (Центральный Государственный исторический архив СССР в Ленинграде), ф. 1525, Главное управление заграничного снабжения, оп. 1, д. 83, лл. 5—7.

¹⁵ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 83, л. 1.

¹⁶ Кроме того, Бахметьев и Угет вкупе с органами американского правительства широко транжировали средства, кредитованные правительством США Временному правительству, в обоюдных корыстных целях (см. «Записку о деятельности российского представительства в Америке после большевистского переворота в России» бывшего чиновника особых поручений министерства финансов в США Д. Г. Асатурова, изданную в Канаде в 1923 г. на русском яз. и известную нам в выдержках по работе И. И. Генкина «США и СССР», М.—Л., 1934, стр. 47—48, а также L. Fisher. Why Recognise Russia? N. Y., 1931, p. 240—244).

¹⁷ ЦГИАЛ. ф. 1525, оп. 1, д. 83, лл. 9 и сл.

ков подчеркивал, что японо-американские межсоюзнические противоречия в условиях возможного сговора между Японией и Германией на Дальнем Востоке могут заставить американские крупнокапиталистические и правительственные круги пойти на экономическое сотрудничество с Советской Россией «по соображениям не гуманитарного характера, а сугубо империалистического».¹⁸

Семков обращал внимание Совнаркома на тенденцию к установлению контакта с влиятельными кругами США, проявляемую контрреволюционными элементами в России и, в частности, на посылку в США с этой целью делегации русских церковников во главе с епископом Евдокимовым. Предостережение Семкова было вполне обоснованным, ибо вскоре Совет Всероссийского союза обществ заводчиков и фабрикантов решил командировать в Америку свою делегацию со специальным меморандумом «о привлечении в русскую промышленность американских капиталов», обращенным к «торгово-промышленным и финансовым кругам США».¹⁹ Семков особенно подчеркивал, что цель этих попыток состоит в том, чтобы организовать в Америке «усиленную агитацию» против сближения с Советской Россией.

Еще до получения докладной записки комиссара Главзагран Совнарком в принципе одобрил посылку советской миссии в Америку.²⁰

Через Робинса о проекте посылки миссии был официально извещен американский посол Френсис. Советское правительство просило его выяснить в Вашингтоне, будет ли подобная миссия принята правительством США.

Здравый смысл и элементарные нормы дипломатической этики требовали, чтобы отправке миссии, кроме согласия правительства США на ее прием, предшествовал тот или иной ответ на советскую ноту 5 марта, тем более, что она и послана-то была по инициативе американской стороны.

Между тем ответа на ноту не было. Пытаясь объяснить промедление американской дипломатии, Дж. Кеннан утверждает, что ввиду недоразумения с кодом при передаче ноты из Петрограда в Вологде Фрэнсису, а также по вине американского военного атташе Раглеса, на две недели задержавшего пере-

¹⁸ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 83, лл. 1—2.

¹⁹ Журнал заседания Совета Всероссийского союза обществ заводчиков и фабрикантов 18 (5) апреля 1918 г. ЦГИАЛ, ф. 150, Петроградское общество заводчиков и фабрикантов, оп. 1, д. 432, л. 10.

²⁰ Об этом сообщал начальнику Главного артиллерийского управления представитель ГАУ в межведомственном совещании 10 марта (ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 83, л. 20).

дачу ноты из Петрограда в Вашингтон, она стала там известна лишь 22 марта.²¹

На самом же деле из телеграммы Фрэнсиса, отправленной из Вологды 9 марта сразу же по приезде туда Робинса из Петрограда, в госдепартаменте уже 10-го знали в общих чертах о запросе Советского правительства.²² А 15-го там была получена и телеграмма Фрэнсиса от 12 марта, излагавшая содержание советской ноты.²³ И дело было не только и не столько в том, что посол задержал изложение ноты на 4 дня (он получил ее 8-го), сколько в той замаскированной рекомендации, которой он сопроводил ее изложение. Это был намек на то, что никакого ответа на запрос Советского правительства и не нужно, достаточно-де телеграммы Вильсона Съезду Советов. К этому моменту в обострившейся борьбе между Робинсом, с одной стороны, и яркими сторонниками интервенции в американском дипломатическом аппарате в России во главе с генконсулом в Москве Саммерсом — с другой, перевес был полностью на стороне последних. Фрэнсис, продолжая использовать переговоры с Советским правительством в качестве инструмента для срыва ратификации Брестского мира, усердно разрабатывал интервенционистские планы.²⁴

Ту же нечистую игру Фрэнсис вел и в ходе переговоров о посылке в Америку советской миссии.

Нам неизвестна точная дата первого обращения Советского правительства к Фрэнсису по этому вопросу. Можем лишь предположить, что оно имело место между 10 марта, когда на третьем междуведомственном совещании были окончательно сформулированы задачи комиссии, и 18 марта, когда Семков

²¹ G. F. Kennan, *Russia Leaves the War*, p. 500. Кеннан почему-то не обращает в этом случае внимания на телеграммы Фрэнсиса в госдепартамент, опубликованные в «*Foreign Relations of the U. S.*» с указанием даты, часов и минут как отправления, так и получения.

²² «*Papers Relating to the Foreign Relations of the U. S. Russia 1918*», v. I, p. 394.

²³ Там же, стр. 397—398. Следует отметить, что в заключительном абзаце своей книги Кеннан, так и не сведя концов с концами, пишет об этой телеграмме.

²⁴ 4 марта он телеграфировал в Вашингтон о предстоящем рассмотрении Брестского договора Съездом Советов: «С осторожностью оказываю влияние, чтобы был отклонен». А на следующий день, 5 марта, — о высадке союзников в Архангельске, Мурманске и Владивостоке: «В данный момент захват был бы неумным; тем не менее союзники должны быть готовы взять эти порты...» («*Papers Relating to the Foreign Relations of the U. S. Russia 1918*», v. I, pp. 390—392). Таким образом, план уничтожения Советской власти предусматривал развязывание войны Советской России с Германией и последующую союзническую интервенцию.

писал об этом обращении как уже имевшем место, причем ближе к 10-му, чем к 18-му числу, поскольку уже 22-го, как увидим ниже, был сделан повторный запрос. На словах Фрэнсис занял благоприятную позицию. «Со стороны американского посла господина Фрэнсиса... содействие почти обещано», — писал Семков в Совнарком 18 марта.

В «Foreign Relations» нет, однако, никаких следов обращения посла в госдепартамент по этому поводу вплоть до повторного запроса. Следовательно, Фрэнсис или вовсе игнорировал первое обращение Советского правительства, или сообщил о нем в Вашингтон в таком духе, что включение его сообщения в «Foreign Relations» оказалось, с точки зрения составителей этого издания, невозможным.

Двойная игра Фрэнсиса была обусловлена тем, что, намекнув госдепартаменту телеграммой 12 марта на нежелательность настоящего советско-американского экономического сотрудничества (без политического двойного дна), Фрэнсис еще раз попытался, оперируя лжесоюзническими лозунгами, толкнуть Советскую Россию на продолжение войны с Германией, несмотря на ратификацию Брестского мира.²⁵ 19 марта в петроградской и московской печати появилось заявление Фрэнсиса о том, что правительство США «продолжает считать Америку союзницей России» и готово якобы оказать России всемерную помощь в отпоре немцам.²⁶ А из Вашингтона государственный секретарь Лансинг того же 19 числа отправил Фрэнсису телеграмму об отказе правительства США от какого бы то ни было ответа на советскую ноту от 5 марта. Ухватившись за данный ему Фрэнсисом в телеграмме 12 марта совет, он ограничился одной фразой: «Департамент считает послание президента к русскому народу и обращение к Съезду равносильными ответу».

Таким образом, провокационный характер публичного заявления Фрэнсиса полностью изобличался телеграммой Лансинга, которая осталась, разумеется, секретной.

²⁵ Он планировал даже участие американских инспекторов в организации советских вооруженных сил. Объясняя сущность своих расчетов госдепартаменту, он писал: «Мое действительное и строго конфиденциальное соображение заключается в том, что армия, организованная таким образом, может быть при помощи должных методов изъята из-под контроля большевиков... Я предполагаю не открывать последнее соображение Робинсу или Риггсу» («Papers Relating to the Foreign Relations of the U. S. Russia 1918», 1, p. 487). Риггс — помощник военного атташе США в России. Фрэнсис подозревал его в сочувствии некоторым начинаниям Робинса.

²⁶ «Документы внешней политики СССР», стр. 216—217. Телеграмму Фрэнсиса в госдепартамент о его заявлении для печати см. в «Papers Relating to the Foreign Relations of the U. S. Russia 1918», v. 1, p. 402.

Естественно, что американская дипломатия и не думала всерьез что-либо предпринимать для содействия поездке в Америку советской миссии. Между тем ратификация Брестского мира усилила решимость Советского правительства добиться установления нормальных экономических отношений с США, как впрочем и с другими странами. Советское государство стремилось использовать мирную передышку, данную ему Брестом, для установления таких отношений как со странами австро-германского блока, так и со странами Антанты и с нейтральными странами.

Вплоть до 22 марта Советское правительство тщетно ждало от исполненного показного благожелательства Фрэнсиса какого-либо ответа на свой запрос о возможности приема в США советской миссии. Наконец, 22 марта Робинс, подчеркнув, что он действует по «специальной просьбе Советского правительства», вторично обратился к Фрэнсису в Вологду по прямому проводу из Москвы со следующим запросом: «Я просил вас осведомиться у американского правительства, будет ли принята Соединенными Штатами комиссия с экономическими и деловыми целями, посланная экономической комиссией Советского правительства.²⁷ Правительство гарантирует, что эта комиссия не будет иметь никакой политической цели и не будет вести какой бы то ни было пропагандистской деятельности по пути или в самой Америке. Добейтесь, пожалуйста, ответа на этот запрос возможно скорее (at the earliest possible date)». Фрэнсис, действительно не теряя времени, в тот же день телеграфировал в госдепартамент текст запроса Робинса, присовокупив к этому клевету в адрес Советской власти и свой совет — советскую экономическую миссию не принимать.²⁸ Теперь посол располагал уже не только телеграфным отказом Лансинга от сотрудничества с Советской Россией, но и заманчивым планом ее экономической эксплуатации, полученным из Сибири от посланного туда со специальной миссией консула США в Москве Д. Мак-Гоуэна. План Мак-Гоуэна, интерес к которому проявил коммерческий атташе американского посольства У. Хантингтон, не блистал оригинальностью. Это был один из многих

²⁷ По-видимому, имеется в виду Высший Совет Народного Хозяйства.

²⁸ «Papers Relating to the Foreign Relations of the U. S. Russia 1918», I, p. 485—486. В «Papers Relating...» опубликован текст, полученный Фрэнсисом в Вологде и переданный им в Вашингтон. Текст запроса, заготовленный Робинсом в Москве для передачи Фрэнсису, опубликован в «Russian-American Relations, March 1917—March 1920». Compl. and ed. by С. К. Cumming and W. W. Pettit. N. Y., 1920, p. 108. Тексты эти совпадают за одним только исключением. Робинс изменил при передаче первую фразу так, чтобы подчеркнуть, что он уже обращался к Фрэнсису с этим запросом и делает это теперь вторично. Заготовленный для пере-

планов закабаления и колонизации России, которые возникали в те годы в империалистических кругах Запада. В своем письме Фрэнсису от 16 марта Мак-Гоуэн предлагал, чтобы все «важные финансовые группы в Америке» создали «международный трест» гигантского масштаба, который, эксплуатируя богатства России, мог бы «обеспечить снабжение мира сталью, углем, медью . . . зерном, жирами и т. п.». Наряду с эксплуатацией населения России этим трестом план предусматривал еще и свободный ввоз в Россию китайских рабочих. Мак-Гоуэн с особенной силой подчеркивал, что в глазах русского народа все это следует изобразить как предприятие цивилизаторского характера.²⁹ В таких условиях для Фрэнсиса, планировавшего американскую интервенцию в самом ближайшем будущем, и речи не могло быть о принятии советского плана равноправных и взаимовыгодных экономических отношений. Его помыслы были заняты противоположными такому плану колонизаторскими проектами эксплуатации России американским капиталом.

Тем более старательно маскировал Фрэнсис американский отказ от всякого сотрудничества с Советской Россией своим внешним доброжелательством. 26 марта вологодская группа комиссии в составе специалистов-техников Д. С. Зенеца и Л. Г. Грузита прибыла в Вологду и вступила в переговоры с Фрэнсисом. В беседе с ними Фрэнсис сделал вид, что впервые узнал о задачах комиссии и проникся горячим к ним сочувствием, словно бы он и не получал 4 дня тому назад второго запроса через Робинса (не говоря уже о первом) и не сообщал его в Вашингтон с отрицательной рекомендацией. Более того, он заявил членам комиссии, что якобы в своей телеграмме в Вашингтон высказался за прием комиссии, только не очень де определенно. Члены комиссии сообщили об этом в Москву по прямому проводу: «От нас он только узнал, что эта комиссия является экономически-коммерческой и ликвидационной по нашим заказам в Америке. Он сожалеет, что подробные пояснения о настоящих целях нашей комиссии он получил только теперь, от нас, а не перед тем как давал телеграмму американскому правительству, тогда бы он в своей телеграмме высказался более определенно о желательности поездки в Америку нашей комиссии».³⁰ Прибыв в Вологду не-

дачи текст начинался так: «Специальная просьба Советского правительства о том, чтобы я попросил Вас осведомиться. . .».

²⁹ W. Williams. American-Russian Relations, 1781—1947. N. Y., 1952, p. 142.

³⁰ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 83, л. 14.

посредственно из Петрограда, Грузит и Зенец, по всей вероятности, не знали о том, что Робинс в разговоре с Фрэнсисом из Москвы точно и полно определил задачи комиссии. Телеграмма же Фрэнсиса в госдепартамент не могла, конечно, быть известна и в Москве.

Под влиянием заверений Фрэнсиса, будто бы поддержка с его стороны обеспечена, члены комиссии сообщали в Москву: «...из переговоров с американским послом выяснилось, что он относится к целям нашей комиссии весьма сочувственно и, видимо, он в этом смысле готов аттестовать ее перед своим правительством».³¹ Фрэнсис пообещал даже, что завтра будет иметь разговор с Москвой уже и о персональном составе комиссии. В действительности же на следующий день после этих переговоров Фрэнсис передал по прямому проводу сообщение Робинсу о приезде Зенеца и Грузита, из которого следовало, что посол не только не окажет никакой поддержки установлению экономических отношений США с Советской Россией, но и вообще уповает на свержение Советской власти. Он давал понять, что ни о каком урегулировании вопроса о заказах без признания Советским правительством долгов царского и Временного правительства не может быть и речи, и с надеждой запрашивал Робинса: «Не слышали ли Вы о каком-нибудь организованном сопротивлении Советскому правительству в России? Я — нет. Где Милуков, Керенский, Родзянко, Прокопович, Гучков и другие лидеры».³²

29 марта в московской печати появилось сообщение о возможности получения согласия правительства США на развитие экономических отношений с Советской Россией безотносительно к вопросу о долгах. Обеспокоенный Фрэнсис в тот же день телеграфировал в госдепартамент.³³ 2 апреля Лансинг успокоил Фрэнсиса опровержением, а 5-го телеграфировал ему: «Департамент согласен с вашей общей оценкой большевиков...».³⁴

Поняв, наконец, что его представления дипломатическому ведомству США бесполезны, Робинс передал свои «рекомендации относительно конструктивной экономической программы сотрудничества между Советской Россией и Америкой»³⁵ руководству Американского Красного Креста, тесно связанному

³¹ Там же.

³² «Russian-American Relations», p. 117.

³³ «Papers Relating to the Foreign Relations of the U. S. Russia 1918», v. I, p. 488.

³⁴ Там же, стр. 492, 495.

³⁵ «Russian-American Relations», p. 146—147.

с крупнокапиталистическими кругами. Но ответа он не получил и оттуда.

Госдепартамент, Фрэнсис и Саммерс вместе с другими чиновниками американского дипломатического ведомства в России организовали травлю Робинса, кончившуюся его отъездом из России. Робинс, фигурой которого американская дипломатия до поры до времени прикрывала свои антисоветские действия, был ей больше не нужен.

Не успел еще Робинс покинуть пределы Советской России, как Фрэнсис отправил в Вашингтон телеграмму (2 мая), начинавшуюся словами: «По моему мнению, время для союзнической интервенции наступило».³⁶ Считая вопрос о необходимости интервенции вообще бесспорным, он объяснял выбор этого момента полной неудачей своих попыток срыва Брестского мира. А среди способов, которыми он пытался этого добиться в прошедшие месяцы, он откровенно назвал Лансину «развитие тесных неофициальных отношений с большевиками и подстрекательство Робинса к тому, чтобы он остался для этой цели в Москве». Далее он объяснял, что в этих же видах он «активно вдохновлял» международный товарообмен, имея, очевидно, в виду свою двойную игру в переговорах о советской экономической миссии. Кончалась эта телеграмма не менее выразительно, чем начиналась. «В заключение я весьма сомневаюсь, могут ли союзники позволить себе и дальше смотреть сквозь пальцы на те принципы, за которые настойчиво борется Ленин».³⁷

Тем временем Советское правительство, используя мирную передышку, выработывало планы развития торгово-экономических отношений со многими странами, в том числе и с Соединенными Штатами.

Учрежденная 31 марта при Комитете хозяйственной политики ВСНХ Комиссия внешней торговли подготовила к 12 мая подробный конкретный и совершенно реальный план развития экономических отношений между Советской Россией и США. Это был документ чисто экономического характера, содержащий глубокий анализ взаимовыгодности советско-американских мирных экономических связей с учетом стремительного роста торговли между Россией и США за годы войны.³⁸ Как мы уже указывали, американские авторы обычно не обходят своим

³⁶ «Papers Relating to the Foreign Relations of the U. S. Russia 1918», v. I, п. 519.

³⁷ Там же, стр. 521.

³⁸ Опубликовано в июне 1918 г. в № 1 «Вестника Народного комиссариата торговли и промышленности», перепечатан в «Документах внешней политики СССР» (т. I, стр. 286—294).

вниманием этот документ. Да и не так легко это сделать, поскольку и самый план и сопровождавшая его переписка были еще в 1920 г. полностью опубликованы в Соединенных Штатах.³⁹

Тем не менее для удобства фальсификации иногда это делается. Так, например, ни одного упоминания о документе 12 мая не находим в книге Уайта «Сибирская интервенция», в которой предыстории интервенции уделено значительное место.⁴⁰ Контраст между советским планом, с одной стороны, и политикой союзников и США — с другой, действительно, испортил бы Уайту всю обедню. По той же причине умалчивает об этом в обеих своих статьях Дж. Томпсон. Иначе обстоит дело у Кеннана. Заявленная им претензия на объективность заставляет его подробно писать о ленинском плане. Но хотя его монография и считается на Западе наиболее полным изложением вопроса, однако в ней игнорируется имеющееся в «Foreign Relations» предложение Советского правительства о посылке экономической миссии в США. Что касается ленинского плана советско-американских отношений, то Кеннан останавливается на нем исключительно с целью его дискредитировать. Кеннан позволяет себе заявить, что ленинский план был задуман с «холодным цинизмом».⁴¹ Характерно, что такой ярости, какую возбуждал у Кеннана этот сугубо мирный, чисто коммерческий план, не вызывают у него самые острые ленинские оценки антисоветской интервенции. Все усилия Кеннана направлены на то, чтобы доказать, что советские предложения не представляли собой «серьезной базы для переговоров».⁴²

Как утверждает Кеннан, Ленин и Советское правительство интересовались отнюдь не установлением экономических отношений с Соединенными Штатами, а уловлением доверчивых душ американских капиталистов на «неотразимые приманки» в виде экономических выгод. Возможность предоставления концессий была, по Кеннану, для Советского правительства всеюнавсего «рукояткой, при помощи которой, как считал Ленин, можно было бы управлять поведением американских капиталистов».⁴³ Кеннан не дает себе труда объяснить, каким образом, по его мнению, намеревалось Советское правительство вместо железнодорожного оборудования, сельскохозяйственных машин и других предметов, желательность ввоза которых из США отмечалась в советском плане, использовать совращенных больше-

³⁹ «Russian-American Relations», p. 204—212.

⁴⁰ J. A. White. The Siberian Intervention. Princeton Univ. Press, 1950.

⁴¹ G. F. Kennan. The Decision to Intervene, p. 223.

⁴² Там же, стр. 224.

⁴³ Там же, стр. 223.

виками самих американских капиталистов, хотя бы и управляемых с помощью рукочтоков.

Зато в целях дискредитации советского плана Кеннан делает два утверждения, ничего общего не имеющих с действительностью.

Во-первых, он утверждает, что Советское правительство манило американских капиталистов перспективой исключительно выгодного (чуть ли не монопольного) положения на русском рынке с оттеснением на задний план их германских и японских конкурентов.

Во-вторых, он заявляет, что Советское правительство не собиралось выполнять этих якобы данных обещаний и вообще всерьез не задумывалось над осуществлением своих предложений.

Иными словами, Кеннан пытается убедить читателя, что деловые отношения с Советским правительством были невозможны.

Обратимся к тексту советских предложений и к обстановке, в которой они были сделаны. Советское правительство, только что опубликовавшее тайные договоры царского и Временного правительств, исключало возможность тайных переговоров. Как мы уже указывали, текст советских предложений правительству США был тогда же опубликован в «Вестнике Народного комиссариата торговли и промышленности». Естественно, что никаких экономических преимуществ перед Германией Советское правительство обещать американским капиталистам не могло: это неизбежно вызвало бы протест Германии, поскольку в Бресте она выговорила себе право наибольшего благоприятствования. В тексте плана нет таких обещаний, более того, мы находим специальные оговорки о невозможности каких бы то ни было специальных преимуществ для США применительно к обоим затрагиваемым планом вопросам — о товарообмене и о концессиях. «Система наибольшего благоприятствования, введенная в торговый договор с Германией, — указывалось в плане, — не дает нам возможности какой-либо стране давать лучшие условия внешнего товарообмена, чем странам центральных держав».⁴⁴

И далее: «Наша экономическая политика не допускает предоставления какой-либо стране специальных концессий по эксплуатации натуральных богатств России».⁴⁵

⁴⁴ «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 290.

⁴⁵ Там же, стр. 294. Хотя Кеннан, конечно, не излагает этих мест советского документа, он вынужден все же упомянуть о предупреждении

Вряд ли можно расценить это как обещание оттеснить на задний план германских конкурентов США. Что же касается японских капиталистов, то в советском плане вообще нет ни единого упоминания ни о них, ни о Японии вообще, и они таким образом добавлены Кеннаном «от себя». Но и независимо от этого можно ли может представить, чтобы Советское правительство пыталось при полной гласности убедить американских дельцов в том, что им будет оказано предпочтение перед японскими, при том, что еще с декабря 1917 г. оно вело переговоры об установлении экономических отношений с Японией? Какой смысл могла иметь такая попытка — даже с точки зрения Кеннана — если и переговоры с Японией были Советским правительством преданы гласности, и в Америке не могли не узнать из опубликованного доклада НКВД V Всероссийскому съезду советов, что Советское правительство поставило Японию в известность о своей готовности возобновить русско-японский договор 1895 г., предусматривавший принцип наибольшего благоприятствования?⁴⁰

Так обстоит дело с вымыслом Кеннана о «неотразимых приманках», которыми Советское правительство якобы пыталось соблазнить американских дельцов. В советском плане убедительно была показана благоприятная для советско-американской торговли экономическая конъюнктура, сложившаяся весной 1918 г., но это вряд ли может быть расценено как злонамеренная «приманка». Потому-то Кеннан и пошел по неверному пути игнорирования обстоятельств, в которых были сделаны советские предложения, и извращения их смысла.

Точно так же далеко от истины и второе утверждение Кеннана о том, что Советское правительство не собиралось всерьез осуществлять своих предложений, а их выдвижение представляло собой лишь «тактический маневр». Кеннан заявляет это, не делая даже малейшей попытки путем экономического анализа установить, реальны ли были те хозяйственные нужды Советской России, о которых говорилось в предложениях Советского правительства (отсутствие экономического, как впрочем и социального, анализа вообще характерно для работы Кеннана).⁴⁷

Пресловутая «объективность» Кеннана не помешала ему попросту утаить от читателя многие важные факты, чтобы не ста-

Советского правительства относительно предоставления Германии права наибольшего благоприятствования, но тут же совершенно бездоказательно утверждает, что это была всего лишь не имевшая значения оговорка.

⁴⁰ «Документы внешней политики СССР», т. 1, стр. 717.

⁴¹ Единственный раз Кеннан касается экономической стороны дела, когда он (чтобы опорочить советский план и с этой стороны) замечает,

вить под сомнение свои утверждения, противоречащие этим фактам.

Так, пытаясь обосновать свое утверждение, что Советское правительство якобы не собиралось осуществлять сделанных им предложений, Кеннан пишет, что оно при этом надеялось-де на то, что «пройдут недели и месяцы до того, как станет возможным засесть за подробное и деловое обсуждение этих неопределенно очерченных проектов».⁴⁸ Но Кеннан ни разу не упомянул о том, что начиная еще с марта Советское правительство пыталось отправить в США экономическую миссию, целью которой как раз и было то самое «подробное и деловое обсуждение», о котором он пишет.

Что же касается неопределенности, которая приписывается Кеннаном советским предложениям, то достаточно обратиться к их тексту, чтобы увидеть, что списки предлагаемых как по экспорту, так и по импорту товаров, а также перечисление возможных концессий не дают ни малейшего основания говорить о «неопределенно очерченных проектах».

Но, пожалуй, важнее всего то, что Кеннан в развитие своей версии о коварных советских «приманках» Соединенным Штатам создает у своего читателя превратное представление, будто

что в советском плане якобы содержится неправильное утверждение о том, что «падение производства в России произошло скорее из-за сокращения импорта основных товаров, нежели из-за падения производительности труда» (С. F. Kennan. Decision to Intervene, p. 218). По сравнению с сокращением импорта падение производительности труда имело, конечно, гораздо более пагубное значение для русского народного хозяйства. Нельзя, таким образом, не признать, что это утверждение в том виде, как его приводит Кеннан, явно неправильно. Беда лишь в том, что Кеннан искажил при передаче соответствующие места советского документа. Чтобы читатель мог сам об этом судить, мы их здесь приводим:

«4-летняя война истощила экономическую мощь России. Производительные силы страны за это время, не производя в достаточном количестве орудий производства, не увеличивали своих сил. Употребляя их на производство продуктов военной надобности, не увеличивали продуктов потребления. Уменьшилась деятельность сельского хозяйства и добывающей промышленности...»

«Падение производительных сил страны является результатом уменьшения производства (курсив наш, — P. I.) и притока из-за границы орудий производства, а не как поверхностные наблюдатели предполагают, понижения производительности труда рабочего, хотя нельзя умолчать, что такое существует, но оно является лишь следствием, а не причиной». («Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 286—287. Первым из приведенных отрывков открывается текст плана).

Как видим, ничего подобного тому, что пишет Кеннан, в плане нет, а падение производительных сил совершенно правильно объясняется уменьшением выпуска орудий производства в России — и лишь во вторую очередь — уменьшением импорта. Причем имеется в виду импорт именно орудий производства, а не «основных товаров», как пишет Кеннан.

⁴⁸ G. F. Kennan. Decision to Intervene, p. 225.

Советское правительство обратилось со своими предложениями лишь к правительству США.⁴⁹

На самом же деле план советско-американских экономических отношений был, как уже указывалось, разработан Комиссией внешней торговли при Комитете хозяйственной политики ВСНХ наряду с такими же планами, предусматривавшими установление экономических связей со многими странами, независимо от того, к какой из воюющих сторон они принадлежали или же были нейтральны. Это делалось в порядке использования данной Брестом передышки для приступа к социалистическому строительству. Национализация внешней торговли поставила ее на службу этому великому делу, предостояло завязывание внешних хозяйственных связей на новой основе.

Вопрос этот рассматривался Всероссийским съездом совнархозов, который в своих решениях от 26 мая 1918 г. определил в качестве основной задачи торговых связей с иностранными державами «обеспечение важнейших отраслей добывающей и обрабатывающей промышленности, а также сельского хозяйства орудиями производства».⁵⁰ Чего стоят в свете этих фактов рассуждения о «тактическом маневре» и «нежелании» Советского правительства осуществлять свои собственные предложения, продиктованные насущными экономическими нуждами страны?

Кроме уже упоминавшихся переговоров с Японией, Советское правительство пригласило в Москву английскую экономическую миссию. Как можно судить на основании письма представителя Наркоминдела в Вологде английскому представителю Линдлею от 14 июля 1918 г., вопрос этот возник в переговорах между ними, причем, по-видимому, по инициативе английского представителя. В ответ на запрос из Вологды Наркоминдел передал официальное приглашение для английской миссии и заверение в том, что экономические органы Советского правительства «помогут ей при всех обстоятельствах выполнить ее задачу, направленную на установление экономических отношений между Великобританией и Россией».⁵¹

Естественно, что антисоветская интервенция Антанты и США, равно как и нарушение Брестского договора Германией воспрепятствовали установлению экономических отношений Советской России с этими странами. Однако с нейтральными скандинавскими странами торговые отношения были установлены и

⁴⁹ Не считая упоминаемых Кеннаном переговоров по экономическим вопросам с Германией во исполнение Брестского договора.

⁵⁰ «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 717 (комментарий к плану советско-американских экономических отношений).

⁵¹ Там же, стр. 396.

продолжались вплоть до начала 1919 г., когда они были прерваны правительствами этих стран под давлением Антанты.

Кстати сказать, соглашение между Народным комиссариатом торговли и промышленности и шведской торговой делегацией было подписано 1 июня 1918 г., т. е. всего через две недели после вручения Робинсу советского плана экономических отношений с США.⁵²

Обо всем этом в работе Кеннана нет даже упоминания. Зато он усиленно, хотя и не выказывая при этом глубокой осведомленности, спекулирует на ленинском тезисе об использовании империалистических противоречий, в частности американо-японских. Кеннан стремится убедить читателя, что это положение Ленина и желание Советского правительства торговать с США были несовместимы. На самом же деле именно использование Советским правительством объективно существовавших империалистических противоречий, препятствуя образованию единого антисоветского фронта, давало Советской России возможность завязывать равноправные и взаимовыгодные торговые отношения со всеми странами, которые этого хотели. Безупречность позиции Советского правительства в этом вопросе была тем более очевидна, что оно заранее заявляло о невозможности предоставления исключительных привилегий какой-либо стране. Начала, на которых Советское государство завязывало свои первые внешние экономические связи, были ясно сформулированы, между прочим, и в предназначенном правительству США советском плане, где прямо и просто указывалось: «Брестский договор сделал для нас затруднительным предоставление любой стране исключительных уступок в деле эксплуатации природных богатств России. Но осуществляя национализацию внешней торговли, правительство России имеет право покупать товары там, где оно найдет необходимым, и продавать их везде, где оно сочтет это наиболее выгодным для себя».⁵³

Через два дня после того, как выработка плана советско-американских отношений была завершена, В. И. Ленин препроводил его с теплым и дружеским письмом от 14 мая покидавшему Россию Робинсу, который письмом на имя Ленина 25 апреля сообщил об отъезде в Америку и о своей решимости и там продолжать деятельность в пользу сближения США и Советской России. «Я надеюсь, — писал В. И. Ленин Робинсу 14 мая, — что этот предварительный план может оказаться полезным для Вас при Вашей беседе с Американским министер-

⁵² Там же, стр. 341—342.

⁵³ Там же, стр. 300.

ством Иностранных дел и американскими специалистами по экспорту».⁵⁴

Робинс уехал, увезя с собой переданный ему В. И. Лениным план. В советских правительственных органах терпеливо ждали результатов его переговоров в Америке. Однако после того, как американская дипломатия проявила свое пренебрежение элементарными нормами международного общения,⁵⁵ посылка экономической миссии в США была поставлена советской стороной в зависимость от общей позиции американского правительства в вопросе об экономических отношениях с Советской Россией.

Главзагран поднял было вопрос о том, чтобы вместо междуведомственной экономической миссии послать комиссию лишь из представителей Военного комиссариата, ограничив ее функции ликвидацией военных заказов, а переговоры общеэкономического характера отложить на будущее. Но позиция правительства США делала, разумеется, невозможным и это. В ответ на запрос Главзаграна Комиссия по внешней торговле ВСНХ, ведавшая всеми экономическими связями с иностранными государствами (Главзагран занимался лишь ликвидационными операциями по старым заказам), ответила 23 мая: «Комиссия по внешней торговле при ВСНХ не находит возможным в настоящее время посылку в Америку междуведомственной комиссии. Точно так же мы думаем, что и посылка особой комиссии из представителей Военного комиссариата для ликвидации военных заказов в настоящее время должна быть отложена впредь до выяснения вопроса об экономических сношениях обеих сторон. Вопрос этот нами усиленно дебатировался, и в настоящее время мы ожидаем ответа от американских кругов».⁵⁶ Такого ответа не последовало, да и не могло последовать. Не установление отношений с Советской Россией интересовало американскую дипломатию, а контакт с контрреволюционными силами.

Еще 15 мая Фрэнсис сообщил в госдепартамент, что коммерческий атташе посольства Хантингтон по его заданию устанавливает в Москве связи с Русско-американской торговой палатой.⁵⁷ Эта была одна из мер по подготовке экономической интервенции, так как палата являлась организацией явно контрре-

⁵⁴ Там же, стр. 276, 299—300.

⁵⁵ Не говоря уже об отказе госдепартамента ответить на письменное и устное обращения Советского правительства, в советских государственных органах, очевидно, не могли не обратить внимания на двойную игру Фрэнсиса, сопоставив хотя бы его заявления Грузиту и Зенецу 26 марта и Робинсу 27 марта.

⁵⁶ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 2, д. 83, л. 19.

⁵⁷ «Papers Relating to the Foreign Relations of the U. S. Russia 1918», v. I, p. 536. 10 июня в Петрограде, в совете Всероссийского союза общества

волюционной, а сам Хантингтон был ярким сторонником мартовского плана Мак-Гоуэна.

А в Вашингтоне Робинс, багаж которого был при въезде в США подвергнут обыску по личному распоряжению Лансинга, тщетно пытался доказать Лансину и Вильсону желательность и необходимость сотрудничества с Советской Россией. Его доклад об этом Вильсон 3 июля 1918 г. вернул Лансину с короткой запиской, которая содержала грубое личное оскорбление в адрес Робинса и представляла собой характерный для Вильсона демагогический прием, часто им применявшийся для маскировки своей антисоветской политики. Состоял он на сей раз в следующем.

После прочтения доклада Робинса президенту, естественно, нечего было возразить против тех разумных, выгодных и для США предложений, которые в нем содержались. И Вильсон решил использовать это, чтобы удостоверить для будущего свою минимую готовность к сотрудничеству с Советской Россией, тем более, что накануне, 2 июля, Верховный военный совет Антанты принял решение расширить интервенцию в Сибири, а на 6 июля было назначено совещание у него самого, на котором предстояло принять решение «закрепиться во Владивостоке».⁵⁸ «Предложения эти гораздо более благоразумны, чем то, на что я считал способным их автора», — писал он Лансину, так и не сумев (даже ради поставленной перед собой цели) скрыть свою злобу против Робинса.⁵⁹

И далее — в явном расчете на будущее опубликование: «Я расхожусь с ними только в практических деталях».

Расчет этот оправдался. Записка Вильсона Лансину была не только опубликована, но и фальсифицирована, чтобы скрыть упущение президента и не посеять сомнений в его искренности. При публикации во втором томе «Бумаг Лансинга» доклада Робинса с запиской Вильсона в госдепартаменте эту записку препарировали таким образом, что демагогическая фраза Вильсона, содержащая чуть ли не согласие на сотрудничество с Советской Россией, оказалась напечатанной, а предшествовавшее ей

заводчиков и фабрикантов, одном из главных штабов буржуазной контрреволюции, еще не разгромленных Советской властью, состоялся доклад Е. Б. Шацкого, члена комиссии Б. А. Бахметьева, посланной в США Временным правительством. И доклад, носивший название «Финансово-экономическое положение США и перспективы в области русско-американских отношений», и прения по нему были проникнуты надеждой на экономическую помощь русской контрреволюции со стороны американского капитала (ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 432, лл. 11—14).

⁵⁸ «История Гражданской войны в СССР», т. 3, М., 1958, стр. 312—313.

⁵⁹ Williams, ук. соч., стр. 147.

грубое оскорбление Робинса, с головой выдававшее действительные намерения президента, — скрытым.⁶⁰

Лишь 12 лет спустя американский историк Вильямс привел и эту фразу из записки президента, осторожно заметив, что Вильсон ничем не подтвердил своего заявления о согласии с предложениями Робинса. В действительности же глубокое лицемерие Вильсона было настолько очевидным для его государственного секретаря (даже если он не получил откровенного устного пояснения президента), что доклад Робинса, возвращенный Лансину, навсегда остался в его бумагах.

В основе политики правительства США лежало то обстоятельство, что крупнейшие американские монополии не могли и не хотели отказаться от своих планов экономической эксплуатации России, реализация которых была сорвана Октябрьской революцией.⁶¹ Они-то и являлись главными вдохновителями антисоветской военной интервенции.

Так была сорвана американской стороной первая попытка Советского правительства установить нормальные взаимовыгодные и равноправные экономические отношения между Советской Россией и США.

* * *

Возвращаясь теперь к уже поставленному вопросу, почему американские авторы избегают даже упоминаний о проекте первой советской миссии в Америку, легко заметить, что любое упоминание об этом сделало бы совершенно беспочвенными попытки изобразить советскую программу экономических отношений с Америкой как «тактический прием» советской дипломатии. Именно история несостоявшейся первой советской миссии в Америку показывает, что Советское правительство, еще до того, как выдвинуло и предало гласности свою программу, провело подготовку к ее практическому осуществлению.

Ленинская программа советско-американских экономических отношений представляла собой акт последовательного и неуклонного проведения курса на мирное сосуществование. И когда в июне 1918 г., после того как американская военная интервенция на советской земле по существу уже началась, вышел в свет первый номер «Вестника Народного комиссариата торговли и промышленности», в котором был опубликован отправленный в США в мае план развития экономических отношений между США и Советской Россией, принципиальная противоположность внешней политики двух держав была продемонстрирована самым убедительным и наглядным образом.

⁶⁰ «The Lansing papers», v. II, Washington, 1940, p. 366.

⁶¹ См. об этом: Williams, ук. соч., стр. 148.